

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Генерал Кобле

Томас (Фома Александрович) Кобле (Cobley) родился в 1761 году в Девоне (Англия), фамилия его этимологически связана с названием специфической мореходной «посудины», лодки, из чего можно заключить, что его предки – уроженцы приморского района и как-то связаны с навигацией. Сын английского консула в Ливорно. Кобле – далеко не единственный британец в российской военной службе екатерининских времен: можно вспомнить, скажем, известного путешественника, гидрографа, имя которого также вошло в одесскую летопись, – Джозефа Биллингса, который первым картировал здешнюю гавань. Русское подданство Кобле принял в 1788 году, вступил секунд-майором в Приморский Николаевский гренадерский полк, участвовал в действиях гребного флота под Очаковым, отличился при штурме Измаила, кавалер орденов Св. Анны I класса и Св. Георгия IV класса.

Кобле – не просто одесский старожил, он свидетель рождения города, ибо еще в 1792 году, будучи подполковником, получил за героическое участие в военных кампаниях против Османской империи 12 тысяч десятин земли на левом берегу Тилигульского лимана. На этих землях он разрешил селиться на льготных условиях украинским казакам, беглым крепостным, вскоре сюда переселились земледельцы из Курской губернии. Как и нарождающаяся Одесса, вотчина Кобле становилась «космополитическим Эдемом».

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-83.

Он же получил участок под домостроения в числе самых первых одесситов в августе-сентябре 1794 года непосредственно из рук первостроителей города, де Рибаса и де Волана. Когда-то ему принадлежал обширный комплекс зданий и сооружений с большим садом, ограниченный современными улицами Дворянской, Коблевской, Торговой и Садовой. Впоследствии эта территория постепенно раздробилась на фрагменты, перешедшие в собственность разным лицам.

Портрет Фомы (Томаса) Александровича Кобле.
Художник Карл Рейхель, 1819 г. Из собрания
Одесского художественного музея

Это весь XVIII квартал Греческого форштата – целых 20 мест, № 216-235. В 1794 г. (в 1795-м этот отвод подтвержден) он, тогда еще подполковник, получил лишь два места, № 90–91, в соседнем, VIII квартале,¹ примыкающем к будущей Соборной площади, но не застроил их. 10 июля 1813 г. Кобле подает в Комитет прошение: «На отведенных мне местах, состоящих на Греческом форштате, в XVIII-м квартале под № 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234 и 235-м выстроил я на первых четырнадцати номерах дом и другое строение и развел сад. А на последних шести номерах – шесть лавок, по плану, Комитетом утвержденному. Но на спокойное владение не имею открытого листа. Комитета покорнейше прошу на застроенные мною места, состоящие под лавками, № 230, 231, 232, 233, 234 и 235, и домом и другими строениями, под № 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228 и 229, выдать мне открытые листы». Тогда же, основываясь на донесении Фраполли об освидетельствовании указанных мест, военному коменданту выдают владельческие документы.² Все бы ничего, но из городских планов 1814-1830 гг.

Дома Кoble (не сохранились) занимали весь квартал от этого угла, Дворянская, № 16, до Садовой улицы. В их тылу был сад, протягивавшийся до нынешней Торговой улицы, по которой находились принадлежавшие Фоме Александровичу торговые лавки. Снимок Натальи Евстратовой, 2019 г.

отчетливо видно, что Кoble фактически застроил лишь места вдоль Дворянской и Торговой улиц, а все остальные участки, № 220-229, были заняты садом. Однако никто, и, прежде всего, ОСК, не предъявлял к нему никаких претензий. То есть Кoble был на особом положении.

На протяжении многих лет Фома Александрович исполнял обязанности военного коменданта Одессы (с 1801 года), был одним из ее фактических устроителей, а с 1803-го лидером «штаба Ришелье», неограниченным доверием которого пользовался. Должность коменданта, учрежденную императором Павлом I (1797), он получил автоматически – как шеф постоянно расквартированного здесь Ладожского пехотного полка. Все, без исключения, городские институции создавались при деятель-

нейшем участии, а то и по инициативе генерал-майора (1799) Кoble. В частности, он был одним из руководителей славного Одесского строительного комитета.

Особая страница его биографии – самоотверженная борьба с чудовищной чумной эпидемией 1811-1812 годов, унесшей жизни 2.656 горожан, то есть каждого девятого-десятого одессита. Это именно Кoble с Дюком, комиссарами, комиссарскими помощниками, медиками входил в зачумленные дома, ободряя граждан Одессы и снабжая их всем необходимым. Это он круглосуточно объезжал внутренние и пограничные карантинные дозоры, при-

нимал участие в устройстве чумных кладбищ, контролировал снабжение оцепленного города и проч.

В самой безнадежной ситуации Кобле не только оставался невозмутимым и деятельным, он умел поднимать настроение, вдохновлять соратников собственным куражом, веселил ближних забавной иноземной песенкой, соленым анекдотом и самой фразеологией и артикуляцией – Фома Александрович говорил по-русски с изумительно трогательным акцентом. Судя по очень теплым воспоминаниям современников (Огюста де Лагарда, Марии Холдернесс и многих других), мужество и веселая абсентеистская бесшабашность сочетались в нем так же, как в характере легендарного каламбуриста – австрийского консула фон Тома. Кобле любил дурачиться, разыгрывать из себя простоватого шотландца. Надо полагать, эта роль была выбрана им не случайно – отношения России с «владычицей морей» оставляли желать лучшего, и англичанин предпочитал иронически камуфлироваться.

С огромною любовью вспоминала «доброе Кобле», «Кобиньку» А.О. Смирнова-Россет. Умилительный англичанин буквально нянчил маленькую Сашеньку, а затем навещал в Санкт-Петербурге юную фрейлину, когда ездил к своей замечательной сестре Генриетте Александровне (1764-1843) – супруге морского министра графа Н.С. Мордвинова. Разумеется, Генриетта всегда оказывала брату разнообразную поддержку, да и в российскую службу он поступил не без ее участия.³ Смирнова пересказывает вполне анекдотическую историю женитьбы самого Кобле.

По каким-то делам он приехал к казацкому полковнику Цветогорову (судя по всему, Смирнова неверно запомнила

А.О. Смирнова-Россет

Графиня Генриетта Александровна Мордвинова,
урожденная Кобле

фамилию. – О. Г.), увидел его дочь «и влюбился, как кошка». Полковник сказал ему: «Черт тебя знает, кто ты такой, и вера-то у тебя не наша». Тогда лихой вояка девушку «увозил, посадил ее перед меня на лошадь». Проскакав таким манером сорок с лишком верст, они обвенчались в первом же встретившемся на дороге православном храме. Невеста все волновалась, что она «неученая, не знает по-английски и книжек не читала». Но жених ее успокоил: «Какой я ученый, я тоже никогда книжки не читал, только наши шотландские песни и сказки об мертвец-

цах». И все это – с уморительной лексикой и таким же акцентом.

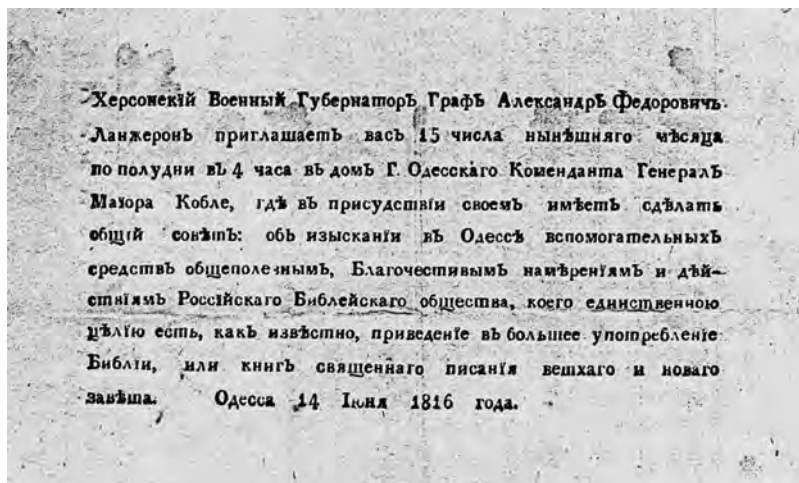
Томас Кобле должен быть поставлен в один ряд с руководителями новороссийского региона уже по той простой причине, что фактически возглавлял администрацию города в 1814-1815 годах, меж Ришелье и Ланжероном, а затем исполнял обязанности градоначальника во время отъездов последнего. Велика его роль и в формировании инфраструктуры Одессы – военно-оборонительной, социально-бытовой, коммерческой, в подготовке революционных портофранковских перемен. В отставку боевой генерал вышел в 1819-м по болезни, умер 13 апреля 1833 года.

Гостеприимный дом его оставался особым социальным местом и после 1815-го. Сохранилось, например, официальное приглашение от имени градоначальника и херсонского военного губернатора графа Ланжерона от 14 июня 1816 года, в котором ряд лиц приглашается на 15-е в дом г-на одесского коменданта генерал-майора Кобле на общий совет по оказанию содействия Российскому библейскому обществу. Впрочем, дом и великолепный обширный сад были доступны далеко не всем, о чем сообща-

ет князь И.М. Долгорукий: «...и у коменданта здешнего есть сад. Я об нем слегка упомянул, но нельзя не повторить, что сад его один из редких в России качеством дерев и вкусом плода. Все превосходное там, но не всякий может в него входить, когда хочет. Потребно дозволение, приглашение, снисхождение и пр. и пр.».⁴

Дома и сад Кобле лежат по соседству с упоминавшимися атрибутированными пушкинскими адресами, но, полагаю, Поэт посещал их не только по этой формальной причине. Весьма общительный генерал был одной из центральных, примечательных фигур тогдашнего одесского общества, они не могли не пересекаться у Воронцова, Гурьева, Казначеева, Кирьякова, фон Тома, Сикара и т. д.

«Имя его (Ф.А. Кобле. – О. Г.), – писал «Одесский вестник», – останется памятным для одесских жителей по тому живому и деятельному участию, которое он принимал в первоначальном учреждении и обзаведении города Одессы как один из первых ее правителей и старожилов (...). Одесские граждане ознаменовали благодарность свою к нему наименованием в честь его одной

Приглашение на заседание Российского библейского общества в доме Кобле от 14 июня 1816 г.
Из собрания Виктора Корченова

из здешних улиц Коблевскою. Неизменное радушие и постоянная веселость характера были отличительными чертами его жизни: он был истинно любим всеми его окружающими...» На погребении была и депутация Ладожского пехотного полка, шефом которого состоял генерал Кобле.⁵

Из контекста некролога может, как будто бы, вычитываться, что, мол, название Коблевская появилось как раз в связи с кончиной заслуженного генерала, патриота Одессы. Но это не так. Коблевскою улица именовалась еще при жизни Фомы Александровича – она упоминается в газетных объявлениях и других документах, по крайней мере, в конце 1820-х годов, а по другим источникам – лет на десять раньше. Другими словами, это название должно типизироваться как истинно народное. И я рад, что приложил в свое время руку к возвращению сего наименования старинной одесской улице через историко-топонимическую комиссию горсовета.

В некрологе указано, что, «согласно последнему желанию покойного», похоронен был наш герой в своем имении Коблевке, в 44 верстах от Одессы (из почтового дорожника следует, что расстояние было 46 верст), куда проследовала немалая похоронная процессия, включавшая представителей Ладожского пехотного полка. Создается впечатление, что речь идет не о Коблево, а об Анатольевке, выше по левобережью Тилигульского лимана, которую чаще называли Коблевкой. Специально побывав в Анатольевке, пообщался с тамошними краеведами, старожилами, провел рекогносцировку; обнаружили архаические постройки и руины из «дикаря», фрагмент старого Казанского храма (1856); старое кладбище распаханно под парк весной 1976 года. Чтобы проверить основательность моего предположения, обратился за консультациями к Сергею Решетову и Виктору Михальченко, сообщившим дополнительную информацию, касающуюся истории Коблево и Анатольевки, в частности, тамошних храмов и эволюции самих сел в XIX веке.

На первых этапах своего существования Анатольевка была менее значимой, нежели Троицкое, своего храма долго не имела, ее жители были прихожанами неблизкой Троицкой церкви, где и совершались требы. Затем она разрасталась, в третьей четверти

Архаичные постройки в Анатольевке. Снимки Натальи Евстратовой, 2018 г.

XIX столетия стала крупнее Троицкого и обзавелась собственным храмом. В глаза бросается историко-топонимическая чехарда: Коблево одновременно именуется Троицким, Большим Коблево, Коблевкой и Тилигулом, а Анатолевка – Малым Коблево, Малой Коблевкой, Коблевкой. Немудрено заблудиться. Как мы сейчас увидим, именно в Коблево (Троицком) Кобле обустроивался, возводил усадьбу, содержал почтовую станцию. Кроме того, он инициировал и финансировал первичное устройство временной Троицкой церкви, то есть молитвенного дома (1805), а затем и постройку полноценного каменного храма во имя Святой Троицы (1815). Гораздо ранее генерал-поручик князь Григорий Семенович Волконский, поселившийся тут «не более сорока семейств», просил дозволения о построении Троицкой церкви на отведенной по высочайшему соизволению земле, однако тогда архипастырского благословления на сооружение еще не последовало.

Роберт Лайелл (Лайялл), побывавший тут в 1822-м, свидетельствует: «Ближайшая (от небольшого особняка Кобле. – **О. Г.**) почтовая станция имеет разные названия, что может сбить с толку иностранца. Одно ее название – Тилигул, по имени лимана и вытекающей из него реки. Второе – Троицкое (Троица), в честь церкви. Однако чаще прочих употребляется неофициальное – Кобле, в честь генерала».⁶

Очень любопытно и информативно описание этой вотчины князем И. М. Долгоруким, относящееся к лету 1810-го. Князь прибыл туда из Очакова. Восторга, мягко говоря, не испытал, но – как есть:

«Отъехав 70 верст, обедали в поместье г. Коб. (Кобле. – **О. Г.**), одесского коменданта. У него тут сарай с колоннами (явно стандартный магазин в классическом стиле. – **О. Г.**) и большая изба для проезжих; дом господский еще строится. Обыватели живут в каменных избах: они без полов и вообще все крыты соломой. Не воображайте, что под названием каменных изб я разумел кирпичное строение, или из тесаного камня: совсем нет; избы выкладываются из дикого камня, который кое-как ставится слоями и дает стену неровную, похожую на то, что искусственно делается в богатых садах для изображения руин: вот здешнее строение! Наружные фасады все представляют вид изрядный, но внутри

страшная нечистота и неопрятность отвратительная. Положим, что им негде взять лесу, хотя и это подвержено спору; ибо лес около Одессы дорог, но есть: Днепр его доставляет; согласимся, однако, на этот недостаток; но что извинить может нечистоту их жил? Это вывеска одной лени их, и жители не столько от нужды, как от нее, терпят лишение всего, кроме хлеба и скота: того и другого нигде, как здесь. Избы белят от привычки, а не от щегольства.

Комендант сам содержит здесь для проезжих почтовых лошадей, и от того трудно их добиться. Нельзя не сделать ему укоризны и в том, что нимало не подумал о спокойстве путешественника и не доставил ему ничего приятного при роздыхе в его поместье, тогда как, без сомнения, по многим очевидным признакам можно заключить, что весь батальон его помогал ему в отделке его деревни». ⁷

Любопытно, что эти самые «неопрятные» местные крестьяне под эгидой своего хозяина впервые настолько успешно боролись с нашествиями саранчи, что их победительный опыт обсуждался в Сенате! Имение это перешло к сыну Фомы Александровича, Аполлону (родился в 1811 году, учился в Ришельевском лицее, а в 1830-м окончил Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, служил в лейб-гвардии Драгунском полку), отставному лейб-гвардии поручику и кавалеру, предводителю одесского уездного дворянства, чрезвычайно удачливому лошадинику и картежнику. В переписке градоначальника А.И. Лёвшина с М.С. Воронцовым упоминается о том, что Аполлон проиграл в карты (на рубеже 1838–1839 гг.) один из больших отцовских домов в Одессе другому известному азартному игроку – полицмейстеру А.А. Шостаку, причем общественные симпатии в этом случае оказались как раз на стороне последнего. ⁸ К слову, должность предводителя дворянства всегда предполагала немалые расходы.

А.Ф. Кобле скончался в Одессе 28 июня 1843 года от чахотки. Дочь Томаса Кобле, Клавдия Фоминична (1801-1844), 7 февраля 1825 года вышла замуж за маркиза Ф.О. Паулуччи – губернатора Эстляндии, а затем – Курляндии и Лифляндии. Клавдия и унаследовала интересующее нас отцовское имение после кончины брата, но через год и сама ушла из жизни. От брака с Паулуччи у нее

родился сын Александр-Николай Филиппович (1840-1893). Внук – Виктор Александрович Паулуччи (1873-1920).

По данным британских источников, сообщенных генеалогом С.Г. Решетовым, у Кобле был третий ребенок, дочь Людовика – младше Клавдии (Claudine) и старше Аполлона. Поскольку никакой другой информации о ней нет, всего вероятнее, что умерла она в младенчестве или в детстве. Согласно этим же источникам, фамилия супруги генерала Кобле вовсе не Цветогорова, а *Tiplotoff* (Теплотова? Теплова?).

«Коблевка, имение генерала Кобле, англичанина, тогда коменданта Одессы» упоминается в книге Мэри Холдернесс, изданной в Лондоне в 1823 году (описываются события 1820 года). «Первый день нашего путешествия, – пишет она, – привел нас в Коблевку, деревню генерала Кобле, где его управляющий получил приказ принять и развлечь нас. Мы провели там один день и две ночи, увидели стада испанских овец и табуны лошадей по соседству. Владельцы здешних имений держат многочисленные отары овец и стада рогатого скота на своей земле – это самый легкий и выгодный способ их использовать».⁹ «Господский дом», как мы видели выше, в 1811 году еще только возводился, то есть ко времени визита Мэри в мае 1820-го был новостройкой, и тем не менее не привлек ее внимания.

Упомянувшийся Лайелл двумя годами позднее уточняет: «От почтовой станции до не-большого особняка генерала Кобле на берегу озера приблизительно полверсты. Дом, окруженный садом и деревьями, с примыкающей к нему церковью, очень оживлял пустынную местность. Генерал Кобле давно состоит на русской службе, но теперь, приобретя собственность, он проводит свое время или здесь, или в Одессе. Нам сказали, что он имеет необычный характер и говорит на многих языках, но ни на одном из них хорошо».¹⁰

В Коблево тогда не было другой церкви, кроме Троицкой, которая сохранилась до сих пор, функционировала в качестве сельского клуба, немного перестроена, а затем была восстановлена в качестве культового сооружения. Следовательно, особняк генерала находился рядом, приблизительно на месте современных пятиэтажек. О каком озере здесь говорится? О Тилигульском лимане,

Место цвинтаря за Троицкой церковью, где, очевидно, были погребены Кобле, его супруга, дочь и сын. Снимок Натальи Евстратовой, май 2018 г.

Троицкая церковь в селе Коблево. Снимок Алексея Евстратова, май 2018 г.

Старинные надмогильные кресты мальтийского типа на кладбище села Коблево.
Снимки Натальи Евстратовой, май 2018 г.

который в ту пору ближе подступал к селу, занимая нынешние низины. Сейчас церковь расположена примерно в 250 метрах по прямой от трассы, однако по старым картам отчетливо видно, что в первой половине позапрошлого века почтовый тракт пролегал правее, поскольку физически не мог проходить по затопленным низинам. Ландшафт антропогенно изменен, геоморфология теперь несколько иная.

Дорога вдоль лимана проходит по насыпной дамбе (тоже старой, однако сооруженной гораздо позднее занимающего нас периода), отрезая его нижнюю часть, а прежний почтовый тракт пролегал значительно мористее, в направлении Карабуша, но, не доходя до него, круто поворачивал к Коблево. То есть, во-первых, раньше лиман примыкал непосредственно к селу, во-вторых, почтовый маршрут от Одессы имел несколько иную траекторию, в-третьих, церковь и дом Кобле находились слева от дороги из Одессы на Николаев, над лиманом. Судя по карте 1806 года, устроенный Кобле почтовый двор находился справа от тракта.

Соседство особняка и храма, возведенного при активном участии и на средства самого Кобле, навеивает мысль о том, что где-то здесь он и погребен. Об этом свидетельствует и опрос старожилов, многочисленных обитателей примыкающих к церкви домов, уверяющих, что рядом с храмом находилось старинное кладбище. Костяки погребенных, в частности, обнаружались в ходе строительства ближайшей к церкви пятиэтажки. Речь, надо полагать, идет о так называемом цвинтаре при храме, где обычно хоронили лиц из состава причта и ктиторов. Тут наверняка и были погребены Кобле, его супруга, младшая дочь и сын. Все соответствует описанию Лайелла: небольшой особняк Кобле действительно находился над озером (лиманом), за Троицкой церковью; теперь на его месте другая пятиэтажка. Цвинтар примыкал к тыльной стороне храма, как это бывало повсеместно.

Что касается старинного сельского погоста, то он расположен примерно в километре от Троицкой церкви, близ нового храма Святого Духа. Здесь сохранилось несколько типичных могильных крестов первой половины XIX столетия из местного известняка, в том числе мальтийского типа (приписываемая им экзотическая семантика не имеет под собой ровно никаких оснований: просто-напросто такой крест экономичен, требовал минимальных затрат труда каменотеса), некоторые – с читаемыми надписями. Такие кресты по произволу называют казацкими, хотя под ними покоились и греческие купцы, и польские шляхтичи, и российские чиновники, и переселенцы из Румелии и др. Подобные надгробья распространены по всему Причерноморью, где имеются выходы на поверхность понтического известняка, их тесали на протяжении многих десятилетий и использовали в огромном числе больших и малых населенных пунктов, включая Одессу. В старой части некрополя обнаружилось всхолмление с остатками отдельных камней и кладок, указывающее на возможное нахождение тут склепа или часовни. Однако надежная атрибуция требует специальных исследовательской и охранной работы.

Сопоставление всех имеющихся данных убедительно свидетельствует в пользу того, что Кобле и ряд его домашних погребены не в Анатольевке, как предполагалось ранее, а именно в Коблево.

Примечания

- ¹ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 593.
- ² ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 27; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 433, 434.
- ³ Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 65.
- ⁴ И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – Москва, 1870, с. 154.
- ⁵ Одесский вестник. – 1833, 22 апреля, № 31.
- ⁶ Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 171.
- ⁷ И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – Москва, 1870, с. 129-130.
- ⁸ Архив князя Воронцова. Т. XXXVIII. – М., 1892, с. 359.
- ⁹ Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 67-68.
- ¹⁰ Там же, с. 170-171.

Продолжение следует

